

НАРРАТИВ. ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ

Анастасия Андреевна Иваненко
(НИУ Высшая школа экономики,
г. Москва, Россия)
nastyaiwanenko@yandex.ru

Анастасия Сергеевна Выренкова
(НИУ Высшая школа экономики,
г. Москва, Россия)
avyrenkova@hse.ru

СТРАТЕГИИ ОПИСАНИЯ СЛОЖНЫХ СЮЖЕТНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ РУССКОЯЗЫЧНЫМИ МОНОЛИНГВАМИ И БИЛИНГВАМИ С ДОМИНАНТНЫМ НЕМЕЦКИМ

Аннотация. Работа посвящена рассмотрению речевых стратегий, которыми пользуются двуязычные и монолингвальные дети в ходе описания нестандартных элементов сюжета мультфильмов. Материал исследования представлен затранскрибированными устными стимулированными нарративами. На основании анализа материала выявляются основные языковые тактики, используемые информантами при недостатке лексико-грамматических средств, описываются примеры интерференции и случаи неконвенционального употребления глагольной и именной лексики.

Ключевые слова: билингвизм, речевые стратегии, устный нарратив, языковые инновации.

DESCRIBING COMPLEX PLOT FRAGMENTS BY RUSSIAN-SPEAKING MONOLINGUALS AND BILINGUALS WITH DOMINANT GERMAN

Abstract. The purpose of the study is to explore speech strategies used by bilingual and monolingual children for describing complex plot fragments in video-elicited narratives. The research is based on 34 transcribed oral narratives produced by children aged from 5 to 13. The subjects used different compensational tactics when facing the lack of lexical and grammatical means, including resorting to the dominant language and using unconventional verb and noun forms.

Keywords: bilingualism, speech strategies, oral narrative, language innovations.

В значительной части работ, посвященных вопросам детского двуязычия, рассматривается речь русско-немецких билингвов. Это во многом обусловлено тем, что на территории ФРГ проживают около 5 миллионов русскоязычных граждан, которые заинтересованы в сохранении русского языка у своих детей, рожденных в Германии [Гагарина 2011]. Несмотря на то, что об усвоении

грамматики такими билингвами уже достаточно много известно [Anstatt, 2008; Gagarina 2011; Schwartz et al. 2015; Dragoy, 2017; Gubina, Gerwien 2017], систематических исследований овладения лексикой, в том числе и в сравнении с монолингвальными русскоязычными детьми, все еще не так много.

В предлагаемой статье будут рассмотрены примеры компенсации у русскоязычных детей-билингвов с доминантным немецким языком в возрасте 5–13 лет в условиях ограниченного лексического доступа. Материалом исследования служат устные стимулированные нарративы.

Нарративы вызывают интерес по ряду причин. Во-первых, они появляются в детской речи довольно рано и являют собой своеобразный «мост» между устным и письменным языком [Рингблом, Карпова 2018]. Во-вторых, дают возможность изучить одновременно лексический и грамматический уровни владения языком. Помимо этого, нарративы, несомненно, показывают способность ребёнка к продуцированию спонтанного высказывания.

Одним из наиболее часто использующихся специальных инструментов для сбора нарративов в том числе немецко-русских детей-билингвов является MAIN [Gagarina 2015]. В рамках этого метода авторы предлагают информантам пересказать два рассказа и описать две серии сюжетных картинок. В нашем случае основными стимулами выступали динамические видеофрагменты (два 30-секундных фрагмента мультфильма «Маша и медведь»), дополненные шестью картинками со стоп-кадрами из просмотренного фрагмента. Фрагменты были выбраны таким образом, чтобы персонажи, не разговаривая, производили большое количество действий. Таким образом, при описании информанты самостоятельно выбирали лексику и конструировали словоформы. Так как при порождении нарратива дети часто опускали те или иные микрофабулы, некоторые из них были представлены в виде стоп-кадров для отдельного задания — названия картинок (picture-naming task). Такие стоп-кадры представляли собой основные сюжетобразующие ситуации.

Информантами стали 19 детей-билингвов (9 девочек и 10 мальчиков) в возрасте от 5 до 13 лет, владеющие русским и немецким языком, из них 13 человек посещают школу, в которой языком обучения является немецкий. Помимо этого, были собраны данные контрольной группы 15 детей-монолингвов старшего дошкольного возраста (5–6 лет) [Грабовская 2018], на которые мы ориентировались как на образец, оценивая речь билингвов-школьников. Общий объем расшифрованного корпуса из 34 интервью составил 25 432 словоформы.

При первоначальной обработке все нарративы и описания картинок были затранскрибированы и разбиты на ЭДЕ – элементарные дискурсивные единицы [Кибрик, Подлесская 2017]. Те ЭДЕ, которые содержали длительные паузы и хезитации, а также ошибки выбора лексемы и ошибки конструирования словоформы [Цейтлин 2009], анализировались нами как маркеры сложных для описания элементов сюжета мультфильмов. Общая цель нашего исследования – проанализировать, как участники эксперимента описывают такие элементы сюжета, и выявить нарративные стратегии, которыми пользуются информанты при недостатке лексических и грамматических средств. В настоящей работе мы сосредоточимся на языковых стратегиях описания четырёх сюжетобразующих элементов мультфильма, представлявших особенную сложность для информантов. Данным эпизодам соответствовали четыре картинки со стоп-кадрами из мультфильма, содержание которых предлагалось пересказать участникам эксперимента.

На первой стимульной картинке изображена следующая ситуация: Маша стоит под деревом; на дереве сидит белка, которая убежала от Маши и готовится теперь бросить в нее шишкой. Этот сюжетный эпизод предполагает описание действий (или намерений к действию) двух протагонистов, а также выражение пространственной дихотомии «верх–низ». Наибольшую трудность у билингвов вызывает употребление однонаправленного приставочного глагола движения для описания действий белки. Информантам предлагалось описать её действия, ответив на вопрос интервьюера: «Что сделала белка?». Только 7 би-

лингвов правильно использовали результирующий глагол *залезть* или глагол с инхоативным значением *полезть*. Среди неконвенциональных примеров употребления билингвами глаголов движения были отмечены ошибки формобразования **улезала*, **бегла*, а также ошибки выбора лексемы, маркирующей иной способ действия *ползла*, *пошла*, *вскарабкалась*. Остальные двуязычные информанты либо прибегают к стратегии эллиптирования предиката с динамическим значением (*там на ветке / или на столбе / ну как это / на стволе тэм эта белка*), либо выражают ситуацию как статическую (*там белочка сидит на дереве*), несмотря на то, что участникам эксперимента был адресован вопрос, содержащий глагол совершенного вида. Примечательно, что двое русскоязычных монологистов также испытывали трудности в описании сцены, о чём свидетельствуют примеры нарушения глагольного управления (**убежала в дерево*, *побежала на дерево*), однако случаев опускания глагольной лексемы или замены акциональных типов предикатов не наблюдалось.

На второй стимульной картинке изображена Маша, которая стоит возле случайно опрокинутого ею улья и испуганно смотрит на появившихся из улья пчёл. Для описания этой картинке интервьюер попросил информантов ответить на вопросы: «Что сделала девочка?», «Откуда появились пчёлы?». В данном случае сложность у двуязычных информантов вызвала необходимость употребления переходных глаголов со значением каузированного изменения пространственной ориентации *перевернуть* или *опрокинуть*. С этой задачей справились только двое билингвов. Остальные пытались компенсировать незнание подходящей лексемы двумя способами: во-первых, с помощью других переходных глаголов с деструктивным значением (**обвалила несколько улей*, **она разбросила / скажем так / ульи*, *сбила пчелные домики / можно так сказать*); во-вторых, информанты-билингвы пытались разложить эту сложную ситуацию на два последовательно происходящих события (**Маша стукнулась об улья*, *она каталась по дорожке / потом попала в ульи; там ящики упали, там всё упало*).

Сюжет третьей картинке можно описать так: медведь несёт на носу и кончиках пальцев лап много коробок с сахаром. Большинство русскоязычных монолингвов описывают эту ситуацию как *медведь взял и принёс сахар* или *медведь берёт и несёт сахар* без указания на его положение в пространстве. Даже после стимульного вопроса интервьюера: «В каком положении находится сахар?» – более половины монолингвов предпочитают маркировать лишь общую форму, в которую складываются коробки, например, *вертикально стоит, у медведя, наверху, в треугольн[неразборчиво], в опасном*. Следует отметить, что двуязычные информанты, напротив, описывают локализацию денотата более точно: *на носу и на пальцах, на носе три и на пальчике два* – ошибка в архаичной форме локатива. Помимо этого, иногда построение трудной для ребенка конструкции, требующей внимания к согласованию подлежащего с предикатом по числу, влечёт за собой нарушение порядка слов и согласования числительного по роду: **у него три на носу сахара был[о] коробочки и два на пальцах*. Также в ряде примеров было зафиксировано стремление указать, на каком именно пальце медведь несёт сахар (*он один на носу / а другой на двух показных пальчика // указательных* – пример со словообразовательной инновацией и самокоррекцией; *на носу и на Zeigefinger / указательный палец*, где наблюдается переключение кода и поиск эквивалента в русском).

Еще одной примечательной особенностью нарративов русско-немецких билингвов было употребление глаголов *балансировать* и *дрессировать* в качестве переходных, требующих после себя прямого дополнения: *ну тут он балансирует сахар, *ум[нрзбр] еду /еду балансировать /он дресявал /он драссирует себя сахар*. Такие контексты являются примерами языковой интерференции с немецким языком, в котором упомянутые глаголы являются транзитивными.

На четвертой картинке изображен медведь, который высыпает в сковороду из корзинки ягоды, чтобы сварить варенье. Для того чтобы правильно описать действие медведя, обе группы информантов используют большое количество различных лексем. Однако для русских монолингвов все же более частот-

ным является приставочный глагол *высыпать* или *насыпать*, в то время как лексемы билингвов являются гораздо более разнородными (*вливает, сыпет, кидает, добавляет, ложит, кладёт*). Некоторые из них могут быть заменены «легкими глаголами» с диффузной семантикой, как в примере *он улыбается и делает ягоды в сковородку*.

В целом можно говорить о нескольких стратегиях компенсации, свойственных чаще детям-билингвам, чем монолингвам. Несмотря на то, что в речи билингвальных детей вызывающий сложности предикат эллиптируется чаще, их нарративы более описательны. Так, в случае описания каузированных действий наблюдается «разложение» ситуации в целом на несколько фрагментов, где каузатор и объект являются отдельными агенсами. Возможно использование предиката другого акционального класса для описания динамической ситуации: глагол направленного движения может быть заменен на статив, выражающий результирующее состояние. В этом случае больше внимания уделяется описанию пространственной конфигурации задействованных в ней объектов.

Литература

- Грабовская М. А.* 2018. Описание пространства в речи русскоговорящих нестандартных носителей: выпускная квалификационная работа // Высшая школа экономики, факультет гуманитарных наук.
- Карпова С. В., Рингблом Н.* 2018. Особенности нарративов двуязычных детей в Швеции и на Кипре // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. № 189. С. 141–153.
- Кибрик А. А., Подлесская В. И.* 2009. Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур. 735 с.
- Цейтлин С. Н.* 2009. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак. 592 с.
- Anstatt T.* 2008. Aspect and Tense in Storytelling by Russian, German and Bilingual Children // Russian Linguistics. Vol. 32 P. 1–26.
- Gagarina N.* 2011. Acquisition and loss of L1 in a Russian-German bilingual child: A case study // Путь в язык: Одноязычие и двуязычие / С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева (ред.). М.: Языки славянских культур. С. 137–163.
- Gagarina N.* 2015. Assessment of narrative abilities in bilingual children. Methods for assessing multilingual children: disentangling bilingualism from Language Impairment.

P. 43–276.

Dragoy O., Virfel E., Yurchenko A. 2019. Aspect and tense attrition in Russian-German bilingual speakers. *International Journal of Bilingualism*. Vol. 23(1) p. 275–295.

Gubina O., Gerwien J. 2007. Gender representation and processing in Russian-German bilinguals. 23rd AMLaP conference, Lancaster, UK (poster).

Meisel J. M. 2004. *The Bilingual Child* // T.K. Bhatia, W.C. Ritchie (eds.). *The Handbook of Bilingualism*. Malden, MA: Blackwell. P. 904.

Schwartz M., Minkov M., Dieser E., Protassova E., Moin V. & Polinsky M. 2015. Acquisition of Russian gender agreement by monolingual and bilingual children. *International Journal of Bilingualism*. Vol. 19(6). P. 726–752.